

**«МУРМАНЧАНЕ» ИЛИ «СЕВЕРЯНЕ»?
(ПАРАМЕТРЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ
ЖИТЕЛЕЙ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА)**

Обращаясь к вопросу об идентификации жителей нашего региона, мы исходим из того, что данная территория может быть рассмотрена как определенное социокультурное пространство, формирование которого связано одновременно со средовыми условиями существования человека, с историко-демографической, геополитической спецификой и особенностями культурного развития. Для обозначения этого пространства в устной, литературной, научной, публицистической речи употребляются обозначения «Север», «Крайний Север», «(Кольское) Заполярье», «Кольский Север», «Кольский полуостров», «Мурман», «Мурманский край» и некоторые другие. Каждое из них имеет специфические коннотации, определяемые контекстами. Судя по имеющимся материалам, сфера значений понятий представляет собой сложную, иерархически организованную систему, в которую включено множество коррелирующих друг с другом, согласующихся или соперничающих смыслов. В последнее время все чаще употребляется обозначение Кольский Север, которое является, на наш взгляд, более точным и позволяет отграничить данную территорию от прочих «северов» России. Существует представление о разделении севера на относительно самостоятельные зоны, причем не только политико-административные или собственно географические, но и символические. В теории социальных пространств, в частности, в концепции Анри Лефевра [20], пространство предлагается рассматривать в триединстве природного, ментального и социального. Излишне уточнять, что ракурсы эти могут не совпадать, на что и указывает вариативность номинаций. В случае Кольского Севера, судя по системе наименований, границы этих пространств совпадают если не в точности, то в очень высокой степени. Наши исследования подтверждают, что можно говорить о целом восприятии региона как культурной конструкции и социального пространства которое произведено людьми и их практиками.

Формирование региональной целостности происходило постепенно, вслед за урбанизацией, заселением полуострова выходцами из разных местностей России (СССР), изменением административных границ и формированием региональных интересов общности в XX в. Этапы этого процесса убедительно проследил П.В. Федоров [18]. Примечательно, что объединяющим началом выступило именно приезжее население, а не коренное и старожильческое, которое было немногочисленно, разобщено на отдельные сельские миры и неоднородно в этническом отношении.

В геополитическом сознании большинства российских жителей Кольский Север (как и ряд других северо-западных территорий России) является пространством «своим» и в то же время немного «другим». Это типичное восприятие этноконтактных, приграничных зон с позиции населения «внутренних» территорий, которое тяготеет к моноэтничности.

Как показали исследования Центра гуманитарных проблем КНЦ РАН, значительную (если не большую) часть переселенцев на Кольский север в советский период следует признать адаптированными к месту жительства. Для этого новая территория должна была быть «присвоена» не только официально (например, пропиской) или символически (скажем, расстановкой мемориальных объектов), но, прежде всего, в сознании самих переселенцев. Территория является символическим пространством для создания и укрепления идентичности, которая в различных контекстах обозначается как «территориальная», «региональная» или «локальная». Теоретическому осмыслению данных категорий уделяется в последнее время все больше места в социологических и социально-антропологических исследованиях [19, 7]. При этом, несмотря на попытки определиться с терминами, они пока остаются взаимозаменяемыми: о региональной, локальной и территориальной идентичности принято писать как в этносоциальном или политическом контекстах (это преобладающие ракурсы), так и в культурологическом ключе.

С социологической объективистской точки зрения, основными факторами социальной организации региональных сообществ являются «геополитический, демографический, экологический, экономический, уровень и качество жизни населения, социальной дифференциации, социокультурный (отражающий особенности духовной жизни и менталитета сообщества), этнический» [9, 130–131]. В отношении самоидентификации значимыми для разных сообществ могут оказаться разные признаки региона, рассматриваемые как исключительные или оппозиционные признакам других регионов. По результатам социологического исследования, проведенного в 2005 г. Ставропольском и Краснодарском краях, Е.В. Морозова и Е.В. Улько предложили набор критериев локальной идентичности и соответствующих им эмпирических индикаторов. Исследователи сгруппировали их в такие блоки: «идентификация с малой родиной, идентификация с историческими событиями, идентификация со значимыми людьми, позитивные каналы идентификации, негативные каналы идентификации» [10]. Перечень критериев-индикаторов, очевидно, может быть обсужден и дополнен, а вывод авторов о том, что локальная идентичность у жителей Юга выражена сильнее, чем у населения Центра и Северо-Запада России, нуждается в дополнительной верификации, но само направление исследований представляется перспективным.

Комплексным показателем любой идентичности, в том числе территориальной, служит наличие и степень развития техник ее презентации, с

помощью которых создается и поддерживается образ себя в глазах других. На основании анализа корпуса, прежде всего, вербальных текстов можно убедиться в том, что существует весьма устойчивая традиция самопрезентации Кольского Севера, его микроареалов и отдельных городов, воспринимаемых как части целого. Она реализуется в различных устных и литературных текстах и реагирует на изменения этнокультурной ситуации в регионе, о чем свидетельствуют, в частности, исследования О.Н. Иванищевой [6].

Исследования региональной идентичности населения Кольского Севера пролонгировано осуществляются в ЦГП КНЦ РАН с 2004 г. Объектом исследований было население городов (преимущественно малых монопрофильных) и поселков Мурманской области, а также представители других регионов, которые так или иначе высказывались относительно жителей нашего региона. Это позволило соотнести взгляды извне и изнутри. Особую категорию представляют респонденты, которые жили в Мурманской области на определенном этапе биографии и ретроспективно оценивают социальную среду разных мест своего жительства. Часть из них обладает двойственной (а то и тройной) локальной идентичностью – феномен, который рассматривался нами отдельно [13, 12]. Предметом исследования выступали устные высказывания, полученные методами бесед, интервью различных типов, а также спонтанные. В предметную область включались письменные источники частного происхождения, инициированные собирателями (письменное интервьюирование), а также литературные тексты разных видов: публицистические, очерковые, мемуарные, историко-краеведческие. При анализе нас, в первую очередь, интересовали идентифицирующие признаки, приписываемые жителям Кольского Севера и характеризующие социальную среду региона.

На Кольском полуострове сегодня, как известно, живут и являются субъектами этнокультурной ситуации, во-первых, представители коренного населения – саамы; во-вторых, русские и нерусские старожилы; вынужденные и добровольные переселенцы, которые оказались на Кольском полуострове в эпоху советской индустриализации, а также мигранты постсоветского периода (включая значительную группу этнических мигрантов). Они по-разному адаптированы к региону, т.е. имеют разную степень расматриваемой нами идентичности. При всех различиях судеб, этнических и социо-профессиональных идентичностей они часто используют понятие «северяне» для самопрезентации и для характеристики региональной социальной среды. Значительно реже это обозначение употребляется представителями коренного и старожильского населения, чаще – горожанами. Жители других территорий России чаще обозначают данное сообщество «мурманчане». Это обозначение по умолчанию не подразумевает коренных жителей края – саамов, а также русских поморов, т.е. оно относится фактически к урбанизированному большинству. «Мурманчанам» при-

писывается ряд отличительных свойств, среди которых главные – материальное благополучие (клише: «богатые мурманчане») и длительный отпускной период. Это следствие того, что жители Крайнего Севера всегда имели более высокие заработки и пользовались государственными льготами. О консервативности стереотипов свидетельствует тот факт, что даже в настоящее время, когда экономическая ситуация явно изменилась, взгляд на «мурманчан» как на людей обеспеченных во многом сохраняется. Косвенным доказательством могут служить взаимные рекомендации владельцев автомашин с мурманскими номерами быть осторожными за пределами области.

В границах Мурманской области, по нашим данным, обозначение «мурманчане» применяется почти исключительно по отношению к жителям областного центра. Мончегорцы, апатитчане, представители других городов и мест мурманчанами себя не именуют, используя этот идентификатор за пределами региона только в качестве уточнения – для несведущих. Сами мурманчане в пределах области наделяются признаками «столичности» на микроуровне (самоуверенностью, благополучием, слабыми знаниями о других местах области и некоторыми другими).

Региональная идентификация жителей Кольского Севера во многом детерминирована особенностями конфигурации границ внутри относительно однородного в этнокультурном отношении российского пространства. Эта конфигурация основывается на символической стратификации территорий. Их жителям приписываются определенные черты характера и поведения, а самим территориям свойства, которые можно разместить на условной шкале культурности / некультурности, или цивилизованности / нецивилизованности. Характерно, что многие признаки на этой шкале взаимнообратимы. Об этом свидетельствуют, в частности, исследования феномена российской провинции как культурного концепта [12]. В данной связи речь может идти об оппозициях столица / провинция, губернский (областной) / уездный (районный) город, город / село (деревня), о противостоянии «двух столиц», а также о характеристиках территорий как «восточных» («азиатских») и «западных» («европейских») с соответствующим измерением «цивилизованности» по убывающей – от запада к востоку. Наши исследования подтвердили существование такой же шкалы с убыванием от севера к югу.

В регионе, о котором идет речь, также есть свои внутренние размерности, связанные с ценностными характеристиками, в частности, городов области. Например, повышению ценности места способствует его положительное сравнение с «культурной столицей» страны: город тем лучше, чем больше похож на эталонный образец – Санкт-Петербург (Ленинград) и чем больше связей с ним имеет. По имеющимся текстам, лидирующие позиции здесь занимает Мончегорск. Известная «столицецентричность» сказывается на относительном противопоставлении Мурманска (мурманчан) другим

поселениям области и их жителям. Нам известны высказывания жителей Мурманска, признающих свой город единственным в области, и отнюдь не в силу незнания о существовании Полярных Зорь, Кировска или Ковдора. Просто другим городам фактически отказывается в признаке урбанизма (цивилизованности).

В целом носители урбанистической культуры Кольского Севера, у которых сформировалась «северная» идентичность, обладают высокой самооценкой. «Цивилизованность» северян ассоциируется с развитием технологий и городской инфраструктуры в регионе, уровнем образования, науки, с «современностью», которая обусловлена молодым возрастом городов и их демографическими особенностями. Культура, носителями которой предстают добровольные и вынужденные колонисты, а также их потомки, это культура построенных ими городов. Она отличается креативностью и инновативностью. Высокий статус северянина обусловлен тем, что он живет в экстремальных природных условиях и «на краю земли». Именно так воспринимают эту территорию относительно недавние переселенцы, в отличие от коренных жителей. И они дистанцируют себя от «южных» и «среднеполосных» (живущих в центральных областях России) людей. Считается, что северяне более интеллектуальны, интеллигентны и «духовны», в отличие от жителей Центральной и южной России, которые живут в основном материальными интересами и менее развиты. Северное сообщество характеризуется как «открытое». Это общество солидарности, в котором нет жестких социальных иерархий, а человек оценивается только по личным качествам.

Формирование такого общества, по всем признакам, «открытого», или «гражданского», получает историческое обоснование в особенностях модернизационного процесса на всех российских «северах», вовлеченных в этот процесс. Очень емко (почти формульно) охарактеризовал северное общество солидарности и условия, его сформировавшие, писатель-северянин Ю. Рытхэу: «Новостройки Севера – будь то промышленное предприятие, новый совхоз, рудник, шахта, электростанция, новые города – это совершенно новые социальные условия, в которых рождается неповторимый характер, складываются чистые, товарищеские отношения, где любовь к родине не возвышенные слова, но конкретное чувство, взращенное в нелегкой борьбе с суровой природой, когда понятие человеческой личности обретает особую ценность. Без взаимной выручки, без готовности в любую минуту прийти на помощь на Севере не прожить. И эта взаимовыручка распространяется на все арктические и приполярные районы Советского Союза. Она сказывается во всем – вплоть до обретенного опыта строительства многоэтажных зданий на вечной мерзлоте, до обмена опытом в глубоком бурении, в организации труда» [14, 5]. Фактически высказывания большинства наших респондентов в той или иной степени представляют вариации этого рассуждения, выраженные зачастую менее

литературно, но с сохранением многих риторических формул и точной передачей смыслов.

Модернизация (или, как принято говорить, «ускоренное промышленное освоение») Кольского Севера оказалась в этом отношении едва ли не эталонной по срокам, темпам, интенсивности проведения, географической близости региона как к национальным административно-культурным центрам, так и к западному цивилизованному миру. Полагаем, что данный фактор стал определяющим для формирования идентичности на основе ассоциации Кольского Севера (Мурманской области) с модернизированным российским Севером в целом, поэтому «северянин» – главный самоидентификатор жителей региона. Он особенно значим для переселенцев из других регионов России и их потомков («коренных северян»), которые отличают себя от тех, кто остались «на материке» и «в прошлом». Дополнительный фактор приемлемости данного идентификатора – лингвистический. Язык стремится к экономии, и, например, «кольский северянин», «житель Заполярья» (кстати, достаточно употребительное обозначение) или тем более «житель Крайнего Севера» оказываются менее удобными; что же касается локального определителя «колянин», то оно имеет избыточные для переселенцев исторические коннотации и ассоциируется, скорее, с конкретным городом, чем с Кольским полуостровом.

Переезд на Север и создание «на пустом месте» новой социокультуры сопровождалось формированием северной идентичности и требовали её поддержания. Переселенцы (в меньшей степени их дети) часто имеют двойственную локальную идентичность. Многие признают, что у них две родины. *«Моё сердце как бы разорвалось на две части»*, – сказала в беседе одна из женщин, которую привезли на север в детском возрасте. Культурная граница проходит внутри самого человека и внутри семей, как и в случае с этнической идентичностью при перемещении в другую среду. Мы располагаем примерами того, что люди, которые жили какое-то время на севере, а потом вернулись в родные места, воспринимаются и чувствуют себя там как чужие. Это стало одной из причин возвратных миграций в последние годы. Поэтому северяне предпочитают ездить, но не уезжать. Уехавшие при возможности создают малые земляческие группы.

Особый интерес представляют мемуарные свидетельства людей, проработавших на Кольском Севере долгие годы и сохранивших в большей или меньшей степени самоидентификацию с местом, регионом. На Север по понятным причинам всегда ехали исключительно работать. В сопоставлении его с более южными регионами эксплицитно или в подтексте присутствует оппозиция труда и рекреации. (Ср.: *«На севере если не работать, то делать нечего»*, – высказывание одной из информантов). Одновременно труд на Севере и труд в других местах различаются качественно. Труд здесь не только более тяжел, поскольку связан с преобразованием исключительно «суровой» природы и, соответственно, требует особых ка-

честь человека по части физической силы, выносливости, терпения и т.п. Не менее важно, что труд этот презентуется как «творческий» и «свободный», как бы ни парадоксально звучало последнее на фоне исторических данных о роли подневольного труда в освоении Севера. Увлеченный, творческий труд, осмысливаемый как «созидание», был основным фактором адаптации переселенцев. В устных и литературных автобиографиях и биографиях стереотипным до формальности является сюжет, в соответствии с которым мемуарист (персонаж) не хочет, боится на Крайний Север, намеревается быстро уехать оттуда, но задерживается на долгие годы: «На станцию Хибин я приехал 29 апреля 1926 г., было мне тогда двадцать шесть лет. Приехал из Ленинграда, с «юга», как говорили местные жители, считая, что по примеру многих «южан» я не выдержу дольше двух-трех лет и сбегу. Предположение это не оправдалось, я прожил здесь двадцать два года, наполненных творческим трудом» [11, 135]; «На Крайний север я ехал впервые и собирался пробыть там только один сезон, завершить порученные мне исследования и вернуться в среднюю полосу страны. <...>. Я даже написал жене, что на Крайнем севере я первый и последний раз, ботанику тут делать нечего. Но жизнь опровергла это мнение. Лучшим доказательством его поспешности и ошибочности явилось то, что я с увлечением проработал здесь двадцать девять лет» [1, 164–165]. Приведенные выдержки из опубликованных воспоминаний ветеранов освоения Кольского Заполярья лишь иллюстрируют данный сценарий, многократно подтверждаемый интервью с жителями области. Страхи и нежелание ехать на Север, судя по мемуарным свидетельствам, можно свести к двум основным обстоятельствам: климатическому («холод») и социально-политическому («сюда ссылали»). Эти мотивы часто высказываются родными и близкими переселенцев: «Когда я сказал дома, что уезжаю в Заполярье, мать спросила: «Не в Кандалакшу ли?» Я ответил: «За Кандалакшу». Мать заплакала: «Вернулись сосланные из Сибири, с Соловков, а из Кандалакши никто не вернулся». Пришлось мать уговаривать, доказывать, что Север уже не тот, каким был много лет назад» [8, 149] (речь идет о конце 1960-х гг.). Преодоление фобий и реальных препятствий, адаптация к «кризисной зоне» (в отношениях климатическом, географическом, демографическом и др.) стали основанием для личностного самоутверждения и успешности жизненного проекта многих переселенцев.

В Мурманской области, безусловно, есть и старожильческие семьи из числа укоренившихся здесь 4–5 поколений назад, и не обязательно связанных с финно-угорским аборигенным или поморским населением. Вообще «старожил» для таких территорий – понятие весьма относительное [5, 24–29], основанием для отнесения себя к старожилам может служить значительный отрезок жизни одного человека, приехавшего на Север. Естественно, что «на краю земли» все новоселы (или «понаехавшие» – более редкое, но встречающееся отношение к вновь прибывшим) являются

«южанами». Если они оказываются успешными и легко адаптируются, старожилы имеют возможность связать данное обстоятельство с другим локальным типом личности. В этом отношении показательно рассуждение писателя-мемуариста и жителя г. Мурманска Б. Блинова, который противопоставил «коренных мурманчан» тем, которые приехали в 1960-е гг. «из средней полосы, из других мест. Порожденные другой средой, другим активным темпераментом, новоселы быстро и надежно обживали город, во многом размыв характерные черты и привнеся свои, не свойственные ему ранее. Цепкая житейская хватка, громкоголосость, верность партии и уверенность в себе быстро вывели их на высокие этажи социальной лестницы. Многие старые мурманчане не смогли выдержать конкуренции и отошли в тень. Черты характера аборигенов в этой шумной, суетной и корпоративной жизни оказались невостребованными» и т.д. [2, 42]. Социокультурная идентификация жителей Кольского Севера включает как характеристики общества в целом (социальной среды), так и личностные свойства – при всей условности четкого разграничения тех и других. Собственно формирование «северного» человека в результате адаптации к особым условиям предполагает личность определенного типа: физически сильного, трудолюбивого, с особым психо-эмоциональным складом и поведенческими привычками. На этот идеальный тип личности переносятся во многом универсальные для многих культур черты «северности»: сдержанность, примат внутреннего содержания над внешней формой (отсюда – духовно-интеллектуальные приоритеты и собственно – «непрезентативность»). Аналогию составляет природа Севера (это взгляд культуры, привыкшей к «броским» краскам и чувствам). По словам поэта,

В рост не идет
На Севере трава.
Неброско все растущее, но прочно.
Здесь вдвое ценят нежные слова,
И гаснут чувства,
Если слабы,
Точно [4, 63].

В целом, может быть представлен следующий ряд (без иерархии) основных идентифицирующих признаков как он выявляется через сопоставление северянами себя с жителями других территорий (табл. 1). Мы приводим обобщенные их обозначения, данные на основе семантического анализа корпуса высказываний. Каждый признак может быть проиллюстрирован подборкой цитат, подобных тем, примеры которых приводились выше.

Социокультурные идентификаторы северян-«мурманчан»

Локальные типы	
Северяне	«Среднеполосные» и/или южане
Признаки	
жизнь в экстремальных природных условиях, кризисной зоне (ссылное место, край земли)	жизнь в благоприятной природной среде, нормативной зоне
модернизированность, созидание технологически развитой среды	консервативность, (технологическое отставание)
вертикальная и горизонтальная мобильность	стабильность, укорененность
солидарность	индивидуализм
равенство	жесткая социальная иерархия, nepoтизм
приоритет дружбы	приоритет родства
малая семья	расширенная семья, домохозяйство
открытое общество (дом)	закрытое общество (этническая, клановая замкнутость, дом за забором)
толерантность (социальная, этническая и пр.)	ксенофобия
интеллектуализм	генерализованное мышление
просвещенность (образованность и широта интересов)	непросвещенность (в т.ч. коррумпированность образования)
профессионализм	недостаточный профессионализм (в т.ч. здравоохранения, образования, технологической сферы)
духовные приоритеты	материальные, витальные приоритеты
культурная инновативность, смешение обычаев	традиционализм, сохранение обычаев
сдержанность (имплицитность эмоций), этикетность	темпераментность (эксплицитность эмоций), самоуверенность, житейская хватка
сила и «подлинность» чувств	поверхностность, «изворотливость»
труд	рекреация,
творчество,	рутинные практики
возможности самовыражения, быстрый личный рост	нормативные пределы или ограничения развития личности
сила личности, бесстрашие	субпассионарность
сохранение физической формы, молодость	нормативное, быстрое старение
экономические возможности (ретроспективно)	бедность (ретроспективно)

Разумеется, ряд далеко не полон, он может быть дополнен, стратифицирован и систематизирован. Тем не менее, выявленные основные идентификаторы представляются достаточно устойчивыми.

Литература

1. Аврорин Н.А. Юность полярного сада // Хибинские клады. Воспоминания ветеранов освоения Севера. – Л.: Лениздат, 1972. – С. 164 – 174.
2. Блинов Б. Мурманская сага. Сборник повестей.– Мурманск, 2010. – 192 с.
3. Бороноев А.О. «Сибирство» как форма территориальной идентичности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sibident.narod.ru/text/boronoev.doc>.
4. Гулидов Е. Человек среди людей. Стихи.– М.: Современник, 1988. – 110 с.
5. Змеева О.В. Новый дом вдали от родины. Этнические мигранты на Кольском Севере. – Апатиты: изд-во КНЦ РАН, 2010. – 96 с.
6. Иванищева О.Н. Социолингвистический портрет приграничного северного региона: подходы и методы исследования. – Мурманск: МГПУ, 2008. – 164 с.
7. Колосов В.А. Территориальная идентичность и межэтнические отношения: на примере восточных районов Ставропольского края // Полис.– 2001. – № 2. – С. 61–72.
8. Курганов В.Е. Призвание – строитель // Годы застойные... Годы достойные! – Мурманск: НИЦ «Пазори», 2000. – С. 149 – 157.
9. Маркин В.В. Диалог с регионами: опыт анализа // Социологические исследования. – 2008. – № 7. – С.130 – 131.
10. Морозова Е.В., Улько Е.В. Локальная идентичность и субъектность местного сообщества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://manag.kubsu.ru/info/sekcia%203/morozova-ulko.doc>.
11. Онохин М.Ф. Вышло! // Хибинские клады. Воспоминания ветеранов освоения Севера. – Л.: Лениздат, 1972. – С.135 –143.
12. Разумова И.А., Кулешов Е.В. К феноменологии провинции // Провинция как реальность и объект осмысления: Материалы научной конференции (29.08 – 1.09.2001). – Тверь, 2001. – С.12 – 25.
13. Разумова И.А., Сулейманова О.А. Культурная память семьи как фактор локальной идентичности жителей Кольского Севера // Региональное сообщество в период социальных трансформаций: Кольский Север, начало XXI в.– Апатиты: КНЦ РАН, 2007.– С. 69 –79.
14. Рытхэу Ю. Уроки Хибин // Хибинь: повести, рассказы, очерки / Сост. Г. Горышкин и В. Бахтин. – Л.: «Советский писатель», 1979. – С. 3 –10.
15. Сверкунова Н.В. Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. – СПб, 2002. – 191 с.
16. Смирнягин Л.В. Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. – М., 1999. – С. 108–115.
17. Сулейманова О.А. Территориальная и локальная идентичность индивида на фоне родственных связей (на примере жителей Кольского Севера) // Население Кольского Севера в период социальных трансформаций: проблемы и практики культурной адаптации. – Апатиты: КНЦ РАН, 2008. – С. 181–191.
18. Федоров П.В. Северный вектор в российской истории: центр и Кольское Заполярье в XVI–XX вв.– Мурманск: МГПУ, 2009. – 388 с.
19. Шматко Н.А., Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социологические исследования. – 1998. – № 4. – С. 48–52.
20. Lefebvre H. The Production of Social Space Trans / Donald Nicholson – Smith Blackwell. – Oxford, 1991. – 454 p.